

Глава 15: Лунный свет

Когда Волчья Флейта проснулся, он лежал на той же кровати, что и раньше, только она была превращена в операционный стол.

Он не чувствовал собственного тела. Он чувствовал, что он плывет в воздухе, чувство счастья блуждало в его голове. Хотя он не чувствовал боли, чувство эйфории, казалось бы, было довольно запутанным и тревожным.

«Мандала?» Волчья Флейта прошептал: «Отец, разве вы не слишком много инъекций мне сделали?»

«По крайней мере, у тебя все еще есть силы рассуждать и говорить». При свечах, воспевающий священник повернулся и посмотрел на него: «Когда тебя вернули сюда, ты был не в лучшем виде. Чтобы не дать тебе умереть от боли, мне пришлось использовать всю мою мандалу».

«Так плохо, да? Но может ли обычный священник выполнить операцию такого уровня сложности? Более того, у обычной церкви не может быть хирургического оборудования и так много лекарств».

Священник проигнорировал его.

Волчья Флейта медленно поднял голову и увидел, что на его груди много швов. Он тихо вздохнул: «Поскольку я жив, значит ли это, что Мастер Дождя мертв?»

«Разве он не рядом с тобой?»

Волчья Флейта был ошеломлен словами священника. Он повернулся и закричал, почти упавши с постели.

Прямо рядом с его подушкой был большой стеклянный контейнер. В антисептической жидкости с отталкивающим запахом в контейнере отмачивалось сухое деформированное тело.

Казалось, что вся вода испарилась. Деформированное тело лежало в позе эмбриона, но ни один ребенок не был таким же ужасным, как оно.

«Это ваш способ отомстить?» Волчья Флейта горько сказал: «Вы из племени охотника? Как вы превратили его в это?»

«Он стал таким, когда он умер». Священник потянулся, взял бутылку и сделал жест, чтобы выбросить её: «Кажется, я был слишком сентиментален. Если тебе это не понадобится, я могу выбросить его».

«Я был неправ! Пожалуйста, простите меня! Эта вещь довольно уродливая, но стоит много денег в Союзе Музыкантов». Волчья Флейта надулся и умолял о пощаде. Слюна стекала изо рта - он выглядел как идиот. «Мой инструмент не может быть восстановлен иначе. Те люди из Лаборатории Кавендиша даже не позволяют мне войти в дверь без денег».

Священник посмотрел вниз на обломки в бутылке и вдруг спросил: «Финансирование которое ты обещал ребенку тоже является частью этого?»

Волчья Флейта был ошеломлен: «Откуда вы узнали?»

«Когда вы разговаривали прошлой ночью, я слушал снаружи».

«С каких пор?»

«С самого начала. Пока ты не сказал: «Чтобы компенсировать ему за опасность, с которой он может столкнуться, я буду финансово поддерживать его, чтобы он мог учиться, чтобы стать музыкантом».

«Разве вам не любопытно, согласился он или нет?»

Священник посмотрел на него еще раз, как на идиота и ничего не сказал.

«Ну, он согласился». Волчья Флейта пожал плечами: «Если бы не он, я мог бы умереть».

Священник покачал головой: «У тебя был Король Волк, который мог контролировать эфир. Возможно, ты бы не проиграл».

«Учитель дал мне это. Благодаря его предвидению я смог напугать Мастера Дождя, но я все равно заплатил здоровенную цену».

«Лучше быть живым, чем что-либо еще. Почему бы тебе не отдохнуть сейчас». Отец Банн встал, готовясь уйти, но после минутного молчания он прошептал: «Послезавтра приедет карета и увезет тебя. Я пойду с тобой, чтобы забрать этот предмет завтра. Я очень надеюсь, что ты сможешь использовать его правильно».

Он последний раз взглянул на Волчью Флейту, вышел из комнаты и закрыл дверь.

В тишине был только Волчья Флейта.

Спустя долгое время он почесал голову и тихо вздохнул: «Если это уже использовали, оно уже не «приличное»?»

У Цинсюаня был еще один сон. Ему снилось далекое прошлое, но оно отличалось от того, что он помнил.

Казалось, что это чья-то фантазия. Со звуком дождя, он вошел в сон.

Он снова оказался на улицах Авалона, они переполненные, как всегда.

Откуда-то появился знакомый звук игры на синтезаторе, это был голос из его первых воспоминаний. Как руки, направляющие его к более глубокому миру снов.

В бушующей толпе он увидел человека с футляром для синтезатора. Он выглядел очень молодым, поэтому, должно быть, это было много лет назад.

(Прим: В англ. тексте было пианино, но сложно представить, как человек может его нести на спине, поэтому оставлю пока синтезатор)

Его халат плыл по ветру, летя, как журавль.

Его длинные серебряные волосы не были связаны, как у большинства восточных людей. Он просто вставил в них шпильку - странно, но просто.

«Группа стариков из Святого Города называла меня «Песнь месяца», вероятно, считала меня экспертом. Но как ни крути, мой сын немного гениальнее, чем я, верно?»

Мужчина посмотрел на сына. Ребенок просто с любопытством оглядывался вокруг. Лицо ребенка было настолько знакомо, но он все еще не мог вспомнить, кто он.

Озадаченный Е Цинсюань стоял посреди толпы.

«Папа, я хочу это». Ребенок поднял руку и указал на воздушный шар в руках пешехода.

«Хорошо, хорошо, папа купит тебе, но не говори маме, ладно?» Человек, несущий футляр, дразнил своего ребенка и прошел прямо мимо Е Цинсюана.

Е оглянулся и увидел ребенка в объятиях мужчины, он уставился на него невинными глазами.

В толпе ребенок посмотрел на него. Их глаза встретились на мгновение. Это заставило Е Цинсюаня сделать шаг назад. От удивления он упал на землю.

Ребенок выглядел так же, как и он, когда был молод.

Неужели он был счастлив?

Ему хотелось смеяться.

Снова появилась музыка. Она заморозила бушующую толпу. Поднялся ветер. Он сдул весь город.

Е Цинсюань сопротивлялся ветру, не зная, куда идти.

Кончики пальцев создавали аккорд на яркой струне, затянув его глубоко в аэродинамическую трубу.

Он плыл на ветру.

«Е, ты до этого видел сны?» На его ухо прошептал человек с футляром.

Е Цинсюань огляделся. Вместо этого он услышал, как молодой голос ответил: «Это одна из тех вещей, которые происходят после того, как человек засыпает?»

«Может быть, но ты можешь их видеть, когда проснешься». Парень с футляром мягко рассмеялся, его голос был мягким и низким, словно ясный резонанс, связанный с нефритом.

«Ты забудешь сны, которые ты видел, когда спал, но те, которые были наяву, продолжаться в твоих снах. И весь мир станет сном. Это прекрасно, верно?»

Е Цинсюань был сильным. Он оглянулся на человека с футляром. Боль из ниоткуда заставила его упасть на колени. Он схватился за голову, чувствуя боль.

«Этот мир - кошмар, отец!» Он взревел: «Это все из-за тебя. И ты думаешь, что это прекрасный сон? Мать умерла - она умерла из-за тебя!»

Восточный человек был в шоке. Казалось, он, наконец, вспомнил, глядя на Е грустными

глазами.

Музыка, гладкая, как шелк, была прервана на мгновение. Как будто острые ножницы измельчали её на кусочки разбрасывая везде.

Ветер остановился, пыль исчезла, солнце погасло, земля раскололась, и все рухнуло.

Тьма захватила все, и он упал в пропасть.

Сломанная музыка была как рука, крепко держащая его.

Сны резко изменились. Иногда был затопленный город, а иногда и замок, который готовый рухнуть. Иногда это было бушующее море с джунглями, с неонам, сверкающим на горизонте.

В следующий момент они снова изменились, теперь все тускнеет.

Неожиданно поднялся туман.

Снова заиграла музыка.

Когда луна пела, облака двигались в небе.

Е Цинсюань гулял в тумане, ища музыку. Под его ногами грубая горная дорога, но она становилась все более узкой и сложной.

Туман обернулся вокруг него. Как будто множество глаз молча наблюдали за ним, из-за этого не было чувства одиночества.

Он продолжал идти в горы. Вперед, вперед, вперед, пока не найдет места для выхода.

Следующим шагом будет бездна.

Музыка шла из-под неба, разбитая, но настойчивая, как если бы она звала его. Е Цинсюань тихо посмотрел на туман и сделал шаг вперед.

Бездна не поглотила его из-за невидимой музыки, которая подняла его. Он шагал на ветру и начал двигаться вперед, все быстрее и быстрее.

Иногда он оглядывался, глядя на танцующие облака. В тумане и в море облаков сияли только звезды, как будто огни вокруг него. Вспышки света прошли мимо него, а затем исчезли.

Он начал чувствовать себя спокойно, больше не боялся.

Затем облака перед ним рассеялись. Слой тумана и облаков был по обе стороны, раскрыв темное небо с яркими звездами.

Впереди облаков тихо поднималась луна, освещая его путь.

От сокрушительного звука музыки лучи света поднимались вверх и вниз из звездного неба. Туманные мелодии задерживались в облаках между Небом и Землей, превращаясь в кусочки яркого света.

В лунном свете он увидел тихо ждущего человека.

Он стоял на расстоянии, недостижимый. Е Цинсюань не мог догнать его.

Он увидел тень Е Цинсюаня, затем рассмеялся и нежно помахал рукой.

От взмаха рукой, его тело словно рассеивалось.

«Тебе нравится?» Он посмотрел на мальчика: «Прекрасный сон?»

«Это трюк, отец?» Е Цинсюань уставился на него: «Но я не думаю, что он прекрасен. Я боюсь его».

«Е это был сон о твоём прошлом. Ты просто вспомнил».

«Я уже забыл». Е Цинсюань обернулся, не желая видеть его снова.

«Все, что было забыто, не появилось бы здесь». Он прошептал в лунном свете: «Вещи, которые нельзя забыть, могут быть болезненными, но это был твой сон, как ты мог забыть?»

Е Цинсюань был ошеломлен. Он огляделся по миру своего сна, наблюдая за морем облаков и лунным светом. Внезапно он почувствовал себя потерянным и грустным.

«Что мне делать?»

В тишине мужчина нежно рассмеялся.

«Разве ты не планировал идти вперед?» Он сказал: «Просто так, не задирай нос и не сдавайся из-за боли. Просто иди вперед, прямо вперед, и ничто в этом мире не может остановить тебя. Приведет это тебя к Небесам или к Аду - иди до конца».

Молодой человек посмотрел в его черные глаза, такие же, как и его, казалось, в них было тысяча слов, но они казались размытыми.

«Итак, не забывай, Е.».

В лунном свете Е уставился на молодого человека, вздыхая. Его чувства были сложными, но в основном грустными. Постепенно человек исчез, только ветер донес последний шепот:

«Я буду тебя ждать».